

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Федеральное государственное образовательное учреждение высшего
образования**

**«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. Астафьева»**

(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет

Кафедра мировой литературы и методики её преподавания

Меркулова Ольга Сергеевна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**Жанровое своеобразие утопии и антиутопии в творчестве Олдоса Хаксли
(литературоведческий и методический аспекты)**

Направление: 44.03.01 Педагогическое образование

Направленность (профиль): Литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

зав. кафедрой мировой литературы и
методики её преподавания

Липнягова С.Г.,

доцент

кандидат филологических наук

Научный руководитель:

Полуэктова Т.А.,

кандидат филологических наук

Дата защиты: _____

Обучающийся: Меркулова О.С.

_____
(Подпись, дата)

Оценка _____

Красноярск 2019

Оглавление

Введение

Глава 1. Утопия и антиутопия: история жанров и литературный контекст

§ 1.1. Утопия: истоки жанра, основные признаки и представители

§ 1.2. Антиутопия: истоки жанра, основные признаки и представители

Глава 2. Жанр антиутопии и утопии в творчестве Олдоса Хаксли

§ 2.1. Жанровое своеобразие романа-антиутопии О. Хаксли «О дивный новый мир»

§ 2.2. Жанровое своеобразие романа-утопии О. Хаксли «Остров»

Заключение

Список литературы

Приложение

Введение

Художественная литература очень тесно переплетается с историей, поскольку содержание произведения во многом определяется не только волей автора, но и тенденциями эпохи. XX век был полон драматических событий, что, разумеется, не могло не отразиться на мировой культуре и литературе, в частности. Писатели прошлого столетия в своем творчестве живо откликались и на политические события, и на активные темпы развития научно-технического прогресса. Именно на XX век пришелся расцвет жанра антиутопии – произведения, изображающие тоталитарное общество, угнетающее все человеческое в людях, стали как никогда актуальны. Антиутопию принято рассматривать в сопоставлении с утопией как две противоположности. Однако не следует думать, что в период популярности антиутопий, которые были наиболее близки читателям того времени, утопических произведений не было совсем. Утопия также не теряла своей актуальности. Утописты верили в возможность построения идеального государства всеобщего счастья, верили в планы правителей, а антиутописты с ужасом наблюдали за попытками воплотить эти планы в жизнь и стремились развенчать представления о прекрасном будущем.

В творчестве Олдоса Хаксли (Aldous Huxley; 1894-1963), одного из выдающихся писателей XX века, нашли отражение обе тенденции. Широкому кругу читателей Хаксли наиболее известен как автор знаменитого на весь мир романа-антиутопии «О дивный новый мир», поэтому его имя часто ставят в один ряд с другими авторами известных антиутопий, таких как Евгений Замятин, Джордж Оруэлл, Рэй Брэдбери, Энтони Берджесс и др. Зачастую Хаксли воспринимают как автора одного романа, несмотря на то, что он написал несколько значимых художественных произведений и философских эссе, поэтому лишь немногие знают его последний роман «Остров», написанный в жанре утопии. Выбор творчества Хаксли как

объекта исследования отчасти обусловлен интересом и желанием проследить, как в рамках творчества одного писателя совершается переход от антиутопических идей и сатирического изображения действительности к идеям утопическим и стремлению изобразить новый, совершенный, полностью стабильный мир. Стоит отметить, что стабильность общества – общая тенденция и для утопий, и для антиутопий. А. Мелихов в статье «Вечный бой и вечный покой» объясняет возведение стабильности в культ в литературе историческим контекстом: ужасы войн, революций и других социальных потрясений – по сути, отсутствие стабильности на протяжении почти века – стали существенной причиной, почему в творчестве многих писателей так явно прослеживается стремление к спокойствию и свободе [27, с. 229]. У Олдоса Хаксли, чьему творчеству посвящено настоящее исследование, это стремление к стабильности прослеживается на всех этапах творчества: и в романе-антиутопии «О дивный новый мир» (Brave New World, 1932) и в романе-утопии «Остров».

Актуальность нашего исследования заключается в том, что сравнительно-сопоставительный анализ романов О. Хаксли – антиутопии и утопии – позволяет выявить жанровую природу каждого из них и проследить специфику художественного мышления писателя. Необходимость исследования обусловлена слабой изученностью романа «Остров», что и определяет новизну данного исследования.

С методической точки зрения, планы уроков по творчеству Хаксли, как правило, ограничиваются анализом романа «О дивный новый мир», что, по нашему мнению, не раскрывает глубины всего творчества писателя. Также следует отметить, что в школе уделяется мало внимания изучению произведений в жанрах утопия и антиутопия.

Объект исследования – жанровые особенности романа-утопии и романа-антиутопии, **предмет** исследования – жанрообразующие функции утопии и антиутопии.

Художественный материал исследования – романы Хаксли «О дивный новый мир» (Brave New World, 1932; рус. пер. 1988) и «Остров» (Island, 1962; рус. Пер. 1995).

Цель работы – выявить жанровые особенности утопии и антиутопии в творчестве Олдоса Хаксли.

Для достижения этой цели необходимо решить ряд задач:

- рассмотреть истоки жанра романа-утопии и антиутопии и их основных представителей;
- выявить особенности субъектно-речевой организации романов О. Хаксли;
- проанализировать пространственно-временные характеристики романов О. Хаксли;
- охарактеризовать систему персонажей романов О. Хаксли.

В процессе написания работы были использованы сравнительно-сопоставительный, описательный и историко-литературный методы.

Методологической базой исследования послужили работы Ирины Владимировны Головачевой, Татьяны Николаевны Клименко, Алексея Матвеевича Зверева, Геннадия Викторовича Аникина, Нины Павловны Михальской, Марианны Ивановны Воропановой, Елены Николаевны Черноземовой и др.

Данная работа является практически значимой, т. к. может быть использована в школе на уроках внеклассного чтения и на занятиях элективного курса.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложения.

Глава 1. Утопия и антиутопия: история жанров и литературный контекст

§ 1.1. Утопия: истоки жанра, основные признаки и представители

В словаре литературоведческих терминов под редакцией Н.Д. Тамарченко дается такое определение термина «утопия»: «Утопия – это жанр эпической прозы, получивший название по заглавию произведения Т. Мора «Золотая книга, столь же полезная, как забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия»; его структура определяется задачей изобразить идеальное государство» [29, с. 276]. Термин состоит из отрицательного греческого префикса *и* и греческого корня *topos*, который переводится как «место». Получается, что само слово «утопия» дословно переводится как «место, которого нет». Со временем слово стало синонимом модели идеального государства, а позже приобрело отрицательную коннотацию и стало восприниматься как недостижимый идеал, нечто нереалистичное и неосуществимое.

По мнению автора словарной статьи, литературная утопия имеет ряд устойчивых жанровых признаков.

Так, речь, которая обычно составляет важную часть характеристики персонажа, не служит для его индивидуализации – слова героя и слова автора стилистически однородны.

Как правило, имитируется правдивость повествования – этот эффект достигается за счет отдельного подчеркивания истинности изложения, композиционной рамки, формы рукописи-отчета и других приемов.

Часто сюжет в романах-утопиях строится на путешествии героя в идеальную страну и его возвращении.

Противопоставляются мир идеального государства и неидеального мира, откуда прибыл герой, поэтому в утопиях так много описаний пейзажей,

интерьеров, портретов. Однако мир утопичного государства не становится ближе к читателю – несмотря на детальность описаний утопия далека от читателя в пространственно-временном и ценностном отношении. Разница между миром утопии и миром читателя ощущается особенно остро потому, что читатель осознает невозможность достижения в его реальности того идеала, который описан в романе.

Утопия всегда предлагает конкретные меры, которые предпринимать, чтобы построить идеальное общество: особое политическое и экономическое устройство государства, определенный воспитательный процесс, без которого не получить достойного члена общества. Положение самого государства в мире обычно подчеркнуто отрезано от других государств, что делает его изолированным и невосприимчивым к влиянию внешнего мира. Отсутствие контактов с другими странами обуславливает самобытность и завершенность романного мира, поэтому и персонажи, которые живут, в этом мире, такие же «завершенные», «законченные».

Все персонажи похожи друг на друга, у них одно мировоззрение, сформированное благодаря изолированности от любых влияний извне. Утопии неоднородны, они различаются по форме и содержанию: социальные, технократические, религиозные и т.д.

Г.В. Гриненко, автор статьи «Утопии как социальные модели», считает, что «утопии в литературе обладают идеологическими, воспитательными и познавательными функциями. Утопии всегда выражают интересы определенных классов и социальных групп, как правило не находящихся у власти. В целом для утопий характерен антиисторизм, и недооценка сложностей общественной жизни, убеждение в том, что все социальные проблемы можно решить с помощью одной универсальной схемы, правильного воспитания людей и подходящего законодательства» [11, с. 22].

Следует отметить, что неоднократно предпринимались попытки воплотить утопию в жизнь, однако ни одна из них не просуществовала долго.

Ни одно произведение искусства, в частности литературное произведение, не может быть рассмотрено в отрыве от исторического контекста, поскольку, как правило, социально-культурная обстановка той или иной эпохи в значительной степени влияет на выбранный писателем жанр, поднимаемые в творчестве темы, особенности языка, общее настроение и т.д. В произведениях писателей находила отражение не только историческая эпоха, но и проблемы и вопросы, которые их волновали. Одни писатели стремились выразить на письме свои переживания и изобразить окружающую их реальность, а другие старались оградиться от этой реальности и создать другой мир, более совершенный. Так в литературе появились мифы, сказки, а затем и утопии.

Во все времена люди стремились создать идеал земной жизни. Описания идеальных обществ и государств встречаются еще в древней литературе, причем это не только мифы, легенды и сказания, но и произведения таких авторов как Платон, Гомер, Гесиод, Аристофан и др. Об этом пишет автор статьи «Античная социальная утопия как парадигма социальной утопии» Ю.Д. Смирнова. По словам исследователя, еще в древности жанр утопии видоизменялся: из концепции пяти веков Гесиода перешел в мифы об «идеальных варварах», «утраченном естественном состоянии», затем проявился в комедиях, став элементом сатиры. Также те характерные черты, которые мы выделяем у утопий сегодня, прослеживаются в эллинистических романах («Государство Солнца» Ямбула, «Священная хроника» Эвгемера): путешествие героя в идеальную страну, где живут совершенные люди, не знающие бед и страданий и т.д. Переход от описания идеального государства к идеальному правителю совершает Ксенофонт и пишет «Киропедию», повествующую о жизни царя Кира, которого автор наделяет лучшими

качествами. Древнегреческие философы также стремились смоделировать идеальное общество с учетом ошибок прошлого и настоящего. Так появились работы «Государство» и «Законы» Платона, согласно которым высшим благом считается стабильность общества и государства, которых можно достичь правильным воспитанием граждан и распределением их по сословиям. Смирнова подводит итог и выделяет следующие особенности античной социальной утопии: связь с полисом и его традициями; влияние мифа о «золотом веке», в котором прошлое воспринимается как идеал; всеобщее благополучие во всех произведениях обосновывается одинаково: «или безграничным плодородием почвы, или жестко разграниченным потреблением»; герои античных утопий, как и в современных, идеальны, молоды и здоровы, не знают огорчений и несчастий.

Истоки всей мировой литературы обнаруживаются в античной литературе, общепризнанном образце художественного слова, и жанр утопии не исключение. В античной литературе сформировались те жанровые особенности, которые мы отмечаем и сегодня. Так, каноничными стали:

- идеализация прошлого или будущего;
- изображение стабильного замкнутого общества, свободного от пагубного влияния внешнего мира;
- свой язык;
- провозглашение общечеловеческих идеалов.

Не следует думать, что утопия формировалась и развивалась только у эллинов – параллельно сходные мотивы и идеи развиваются в литературе Древнего Китая (например, в работах Лао Цзы).

Утопические представления об идеальной жизни могут носить разный характер: одни обращены в светлое будущее (как в случае с идеологией

коммунизма), другие, напротив, обращены в прошлое (как стремление древних римлян вернуть утраченный «золотой век»). Христианство и вовсе предлагает воспринимать мировую историю как длинный путь от потерянного рая к Царству Божиему, которое однажды обязательно наступит, а те, кто вел праведную жизнь, обретут жизнь в раю после смерти. В литературных утопиях совершенное государство с идеальным обществом оказывается все же не в в других далеких мирах, а здесь, рядом с человеком. Литература эпохи Средневековья почти вся обращена к богу, поэтому закономерно проследить развитие жанра утопии в литературе, связанной с религией. В христианской среде широкое распространение получают тексты о Царствии Божием на земле, что в целом может рассматриваться как утопический текст, изображающий совершенный мир с богом (рай), который противопоставлен греховному миру людей (ад). В эпоху Возрождения литература уже не так религиозна и больше обращена к социальным проблемам эпохи, в связи с чем моделирование идеальных государств основывается на стремлении побороть несправедливость и нищету. В эпоху Возрождения главным критерием идеального государства становится физическая, духовная и нравственная свобода.

Классическими для жанра утопии считаются два произведения: «Утопия» Томаса Мора (1516) и «Город Солнца» Томмазо Кампанелла (1602), в которых, как того требует жанр, стабильность общества достигается за счет разумного устройства государства и общества, справедливости законов и воспитания граждан.

Книга Томаса Мора написана на латинском языке и имеет полное название, которое звучит как «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия». Повествование в книге ведется от первого лица героя, которого зовут так же, как самого писателя. По сюжету его отправляют в качестве посла во

Фландрию для улаживания конфликта, возникшего между королем Англии Генрихом и королем Кастилии Карлом. Во время этой поездки Мор знакомится с человеком по имени Рафаил Гитлодей, который некогда путешествовал с Америго Веспуччи и за время странствий многое повидал, о чем теперь и рассказывает. В первой части произведения преимущественно критикуется политическое устройство Англии и проводимая в стране политика. Мор упоминает отношение к ворам, которых казнят вместо того, чтобы помогать им от лица государства; праздность и тунеядство знати; необходимость ввязываться в войны, чтобы дать опыт новобранцам, расширять армию и поддерживать ее боеспособность; рост цен на шерсть и хлеб; четкое разделение людей на нищих и богатых и т.д. Помимо критики общественного строя и устоявшихся общественных порядков рассказчик предлагает и пути решения всех перечисленных проблем. Во второй части книги описывается устройство жизни на острове Утопия. Страна состоит из 54 городов, законы, учреждения и язык во всех одинаковые. Города состоят из семей, каждая занята каким-либо ремеслом, причем переход в другую семью для занятия другим делом разрешен. Частной собственности – главной причины всех несчастий человечества, по мнению Мора – на Утопии нет. Как следствие, нет и преступлений, и длинного свода законов. Утопийцы, безусловно, пацифисты, но тем не менее они готовы к войне, если возникнет необходимость защищать свою страну. Большая часть их времени посвящена труду, который обязателен для каждого. На острове царит демократия, нет принуждения и насилия, регулярно проводятся выборы на руководящие должности. Денежной системы внутри острова нет, деньги нужны только для торговли с другими странами. Стабильность модели общества, которую предлагает Мор, основывается не только на определенных политических и экономических устоях, но и на понимании их разумности каждым членом общества. Сам Мор предлагает не абстрактные идеи, а конкретные пути для достижения всеобщего благоденствия.

Тем не менее, устройство жизни на острове Утопия не лишено противоречий. Так, например, в мире, где правят всеобщие свобода, равенство и отсутствие конфликтов, неверных супругов ждет суровое наказание в виде рабства. Такая мера никак не вяжется с привычными представлениями об идеальном государстве. Однако Мор понимает, что отказаться от рабства совсем не получится: всегда будет существовать работа, которую никто не хочет выполнять. Стоит отметить, что рабы у Мора – не низшее сословие, а осужденные преступники. Заметим, что переход от Средневековья к Возрождению в искусстве не был резким, поэтому некоторые средневековые тенденции еще сохранялись.

В предисловии к другому знаковому произведению жанра утопии «Город Солнца или Идеальная Республика. Поэтический диалог» Томмазо Кампанеллы сказано: «Эта утопическая картина отражает мечту Кампанеллы об обращении всего человечества в католицизм и установлении мирового государства авторитарного типа под эгидой папской власти («монархия Мессии»)). Для произведения характерна бессюжетность, как и для большинства утопий. «Сюжет» представляет собой диалог двух героев – Гостинника и Морехода. Есть мнение, что произведение больше похоже на монолог Морехода, поскольку реплики Гостинника редки и малосодержательны. Гостинник просит Морехода рассказать о том, что с ним приключилось во время последнего путешествия. Мореход рассказывает, что во время плавания он был вынужден сойти на берег, где встретил вооруженных людей, которые отвели его в Город Солнца. Далее он рассказывает, как устроен этот город, сообщая и о том, как все в государстве выглядит, и все аспекты общественной жизни: архитектура, политическая система, воспитание подрастающего поколения, религия и т.д. Жители Города Солнца живут они как одна община. Как и в «Утопии» Мора, граждане не имеют частной собственности. Добродетели в государстве приравнены к должностным лицам: Великодушие, Мужество, Целомудрие и

т.д. Дети с ранних лет воспитываются педагогами от государства, еще в младшем возрасте у них выявляют склонность к той или иной деятельности. Люди стремятся создать лучшее потомство так же, как выводят более совершенные породы животных. Граждане заняты преимущественно физическим трудом, а интеллектуальная деятельность принадлежит жрецам. Время от времени собирается Большой Совет, на котором обсуждаются преимущественно вопросы организации деятельности граждан. Верхушка власти не сменяется, каждый чиновник – специалист в какой-либо сфере. В Городе Солнца есть и суды, и прописанные законы, и наказания вплоть до высшей меры. По мнению Кампанеллы, человек может достигнуть совершенства и абсолютного счастья, если откажется от своей индивидуальности и частной собственности (не только от имущества, но и от семьи) и полностью отдаст себя обществу, самостоятельно или насильно. Принуждение к отказу от своего Я объясняется греховной природой людей. Мотив преобладания общественного в сравнении с личным часто встречается в утопических произведениях на протяжении всей истории развития жанра.

Интересно, что в утопиях эпохи Возрождения действие зачастую происходит в настоящем, хотя предшествующие им утопии древности обычно описывают славное прошлое, а утопические тексты XX века обращены к будущему. Это объясняется историческим контекстом: эпоха Возрождения по времени совпадает с эпохой Великих географических открытий, поэтому авторам несложно было предположить, что описываемое ими государство есть, просто оно пока не открыто европейскими путешественниками и не нанесено на карту. В эпоху социализма утопические идеи стали как никогда актуальны, особенно после формирования марксистских идей, которые легли в основу представлений о коммунистическом обществе. Эти представления основывались на идеях равенства и братства, общем труде и получению благ «по потребностям». Вся деятельность большевиков была направлена на создание такого государства,

в котором счастлив каждый – этим объясняется то, что в XX веке утопия вновь становится актуальной, одни утопические произведения XX века писались по государственному заказу, другие были плодами настоящей веры в грядущее светлое будущее. Интересно, что в то же время наметился некоторый кризис жанра: писателям уже не нужно было придумывать и обосновывать всеобщее благополучие в описываемом обществе, поскольку все схожие идеи уже были сформулированы в книгах классиков марксизма-ленинизма. К тому же, художественное произведение должно быть интересным, а этого невозможно достичь без какого-либо конфликта. Коллизий в идеальных мирах утопий быть не могло, поэтому единственным выходом для писателей была борьба его героя с силами природы или, как в русской литературе, борьба с противниками коммунизма. Параллельно развивается и набирает популярность антиутопия, возникшая как реакция на распространение тоталитарного режима и ограничения свобод, прикрытых благими намерениями верхушки власти. Оба жанра активно использовались писателями-фантастами.

В XX веке утопия не утратила своей актуальности. Одним из значимых имен утопической литературы этого времени является Герберт Уэллс (1866-1946). Он, как и многие его современники, верил в силу прогресса. Наблюдая за ходом научного развития, он размышлял о том, что такое же развитие может пройти и человеческое общество, став, таким образом, гармоничным и совершенным. Так появился его роман «Люди как боги» (1923). Наука, по Уэллсу, безусловно, благо для человечества, однако следует установить жесткие рамки допустимости для индивида, иначе никакой научно-технический прогресс не гарантирует всеобщего благоденствия, поскольку самое большое препятствие к этому – индивидуальность и стремление каждого выражать свою волю. Сам Уэллс выступал за отмену частной собственности и парламентской демократии, ограничение рождаемости. В основе его утопии – следование принципу научной целесообразности.

Следует добавить, что Уэллс не был охвачен утопическими идеями настолько, чтобы не замечать недостатков своей модели общества. Он допускал и ленивых, и малоспособных, и несогласных членов общества. Возможно, осознание невозможности претворения утопии в жизнь стало причиной появления в его творчестве антиутопических мотивов.

Как и многие жанры, утопия появилась еще в древности. Жанр претерпел некоторые не очень существенные изменения и мало отличается от утопий античности, в связи с чем мы выделяем следующие жанровые признаки утопий:

- Субъектно-речевая организация текста: речь героев и слова автора стилистически однородны, поэтому речь в романах-утопиях не является средством создания образа персонажа;
- Пространственно-временная организация текста (хронотоп): пространство утопий закрыто, отрезано от всего остального мира. Сюжета как такового нет, как правило, описывается путешествие героя в идеальную страну и описание уклада жизни этой страны. Описание занимает центральную часть произведения, поскольку бессюжетность компенсируется подробностью описаний и обилием деталей.
- Система персонажей: персонажи утопий, как и персонажи антиутопий, похожи друг на друга, разница лишь в том, что в антиутопиях эта похожесть – результат насильственных мер государства и стремления самих граждан стать максимально незаметными, а похожесть героев утопии есть следствие полной гармонии их замкнутого мира, в котором все равны и нет конфликтов.

Стоит отметить, что часто в утопиях проявляются антиутопические черты. Эти тенденции лежат в основе произведений, которые изначально заявлены как антиутопические, на них и держится та угнетающая атмосфера, без которой невозможно представить антиутопию. В.А. Чаликова в книге

«Утопия и свобода» пишет: «Это [антиутопия] и впрямь выгодный жанр. Если утопия – жанр сам по себе скучный (и надо сказать, что читать утопию, в которой описывается идеальное «блаженное» общество, в наше время довольно трудно), то пародия, сатира – даже бездарная, слабенькая – всегда будет прочитана, поскольку приятно поиздеваться, посмеяться, посмотреть в кривое зеркало. По библиографии утопической литературы, с которой я работала, видно, что поток антиутопий начал идти с середины тридцатых годов. Как только возник фашизм, пошел поток антиутопий, едва стала известна практика сталинизма пошел снова" [39, с. 14]. Чаликова считает, что попытка реализации утопии имеет парадоксальный исход – стремление создать рай заканчивается адом, стремление создать свободную атмосферу всеобщего счастья заканчивается диктатурой – в пример исследователь приводит современную ей действительность и коммунизм в Советском Союзе. Ниже мы рассмотрим жанровые особенности антиутопий и выясним, в каких отношениях находятся утопия и антиутопия.

§ 1.2. Антиутопия: истоки жанра, основные признаки и представители

Вновь обратимся к словарю литературоведческих терминов под редакцией Тамарченко и посмотрим, как составители словаря определяют термин «роман-антиутопия». Итак, роман-антиутопия – это «жанр эпической прозы, в сущности, жанровый гибрид – результат взаимодействия утопии и романа» [с. 216]. По мысли автора этой словарной статьи Е. Козьминой, «обе исходные структуры деформируются: утопия, включенная в историческое время, теряет присущие ей абстрактность, замкнутость, «готовность», а роман, в свою очередь, приобретает черты повести или новеллы (циклическая схема и герой в ситуации выбора – в первом варианте; кумулятивный сюжет, катастрофа и пуант – во втором)». Безусловно, любые жанровые границы очень подвижны, и редко в одном произведении представлены особенности только одного жанра, однако, следуя за мыслью Козьминой, «хотя роман в целом, по мнению М.М. Бахтина, неканонический жанр, отдельные его разновидности с течением времени могут «отвердевать»: роман-антиутопия принадлежит к их числу». Следовательно, выделив ряд признаков, мы можем говорить о том, что то или иное произведение можно отнести к жанру антиутопии. Поскольку антиутопия представляет собой именно гибрид романа и утопии, то можно смело говорить об отдельном жанре, а не просто разновидности утопии.

в «Энциклопедическом словаре английской литературы XX века» дано следующее определение антиутопии: «Антиутопия – жанр в художественной культуре 20 в., представляющий собой разновидность интеллектуальной литературы с признаками иносказания, аллегории или притчи» [44, с. 22]. По мнению А. Зверева, автора этой словарной статьи, антиутопия стала реакцией на тоталитаризм XX века, поэтому главная ее направленность – «осмысление социальных и политических реальностей, создающих опасность для будущего или даже ставящих под угрозу само выживание человечества». В центре повествования антиутопического романа – философская коллизия,

вокруг которой выстраивается повествование. Отличительная черта романов-антиутопий – «крах утопического сознания и кризис веры в научно-технический прогресс» [44, с. 22]. Эта черта обусловлена историческим контекстом, эпохой, на которую пришелся расцвет жанра – до XX века в мировой истории не было таких нарастающих негативных тенденций и предчувствия близящейся катастрофы, следовательно, у писателей не было предпосылок для введения в литературу таких сюжетов, героев и проблематики. Ошибочно было бы полагать, что антиутопия полностью вытеснила утопию в литературе. XX век знаменуется не только мрачными настроениями, вызванными мировыми войнами и революциями. В то же время идет активное развитие научно-технического прогресса, сопровождаемое искренней верой в лучшую жизнь благодаря новым изобретениям. Страх перед неизвестным одних и оптимизм других существовали одновременно.

В словарной статье утверждается, что история антиутопий начинается с романа Евгения Замятина «Мы» (1924), однако есть и другая популярная точка зрения, согласно которой одной из первых антиутопий можно считать философский трактат Томаса Гоббса «Левиафан» (1651) [5, с. 58]. Тем не менее, можно говорить о том, что Замятин заложил традицию жанра антиутопии, поскольку романы «1984» Дж. Оруэлла (1948) и «О дивный новый мир» Хаксли (1932), признанные знаковыми для жанра, во-первых, были написаны после «Мы» (то есть высока вероятность, что и Хаксли, и Оруэлл, и другие авторы антиутопий читали роман «Мы»), а, во-вторых, были вдохновлены романом Замятина и написаны под влиянием этого вдохновения. Отмечается, что антиутопия получила наибольшую популярность во второй половине XX века, в 60-70-е гг. – в это время стал особо силен антитехнократический настрой в обществе, что повлекло частое использование элементов фантастики в литературе, которые только усиливали абсурдность описываемой ситуации. В антиутопии, по мнению

Зверева, сочетаются «элементы литературной футурологии, сатирические тенденции и достоверное изображение политических реальностей современного мира, показанных посредством иносказания, антиутопия повествует о разрушении естественных и человеческих норм жизни» [44, с. 24]. Герой антиутопии видит общество, в котором он живет, воплощением высшей степени прогресса, однако чувствует себя узником этого общества. Основной конфликт заключается в противостоянии общества, требующего полного подчинения лишенных индивидуальности граждан, и главного героя, внутренне противящегося этому. Личная жизнь героя сконцентрирована в его сознании – даже если ему и хочется открыто противостоять существующему строю, он не может действовать активно, поэтому его бунт пассивен, даже незаметен. В центре повествования часто оказываются нарушение спокойствия, распад и последующее восстановление целостности внешнего мира и героя.

Попробуем проследить историю развития жанра антиутопии, учитывая наиболее распространенные точки зрения на этот вопрос. Итак, одной из первых антиутопий считается философский труд Томаса Гоббса «Левиафан». Левиафан – это чудище из Ветхого Завета, однако Гоббс так называет сильное и могущественное государство, защищающее своих граждан. Однако образ этого государства получился пугающим и отталкивающим, но никак не вызывающим чувство защищенности, как предполагал Гоббс. При этом граждане этого государства будто находятся в состоянии войны, даже если нет открытой агрессии; угроза исходит именно от ближнего. Налаживание отношений и установление какого-либо доверия возможно только при введении договоров, которые будут соблюдать все – иными словами, нужен гарант, устанавливающий правила, по которым каждая сторона будет защищена. Так в мир Гоббса приходит знакомая схема: некоторые свободы и права ограничиваются, за счет чего общество достигает порядка и стабильности. Повлиять на общественное мнение философ стремится и

посредством религии, объясняя, что противодействие власти не повлияет на воздаяние, которое человек получит после смерти. Гоббс трактатом «Левиафан» наметил некоторые тенденции для развития жанра.

В основном жанр антиутопии оформляется в XX веке. Этому поспособствовал научно-технический прогресс, ставший причиной не поднимавшейся ранее проблемы дегуманизации личности, а также политическая обстановка XX века. Первой значимой попыткой развенчать утопический идеал социализма стал роман Евгения Замятина «Мы». Благородная социалистическая идея на фоне коллективизма и военного коммунизма не могла приниматься с восторгом. Именно Замятин формирует ту совокупность черт, которую позже охарактеризуют как жанровые особенности романа-антиутопии, поскольку его роман значительно отличается от всего написанного ранее, а сам автор выступает новатором. Так, он вводит героя, конфликтующего не только с обществом, но и с самим собой; действие развивается активно (в отличие от статичных изображений Мора и Кампанеллы); негативные тенденции нарастают, события, происходящие с одним героем, затрагивают всю систему; привычные для романов диалоги отчасти заменяются записями в дневнике, что разрывает общее повествование, и оно становится разрозненным.

Другое важное для антиутопической литературы имя – Джордж Оруэлл, автор романа «1984», изобразивший общество абсолютной несвободы в тоталитарном государстве. Разоблачение тоталитарного строя изначально было задумкой автора. Параллельно с развитием действия развивается и сам герой Оруэлла. Это развитие вызвала встреча с Джулией – любовь изменила главного героя настолько, что он понял, в жизни есть то, ради чего стоит жить и не страшно умереть. На протяжении всего романа прослеживается развитие чувств героя: от бессмысленного существования в одиночестве к обретению любви и ощущения собственной значимости до полного

уничтожения личности. Утопия не углубляется в раскрытие характеров героев, поэтому они все кажутся похожими. А в антиутопических произведениях все иначе: ощущение беспомощности и обреченности невозможно передать общими фразами, только подробное описание мыслей и чувств способно полностью погрузить читателя в атмосферу тоталитарного государства, в котором ни у кого нет никаких прав и свобод. В этом ключе сюжет уже не есть просто последовательность событий, это история рождения и гибели подлинной личности.

Мы использовали перечисленные в параграфе 1.1 критерии, по которым мы выделили жанровое своеобразие утопии, применили их к антиутопии и получили следующие результаты:

- Субъектно-речевая организация текста: общество в романах-антиутопиях – это общество угнетенных, лишенных человеческого людей, однако, в отличие от утопического общества, им удается сохранить индивидуальность. Суть антиутопии невозможно раскрыть без углубления в характеры, поэтому речь героев, безусловно, служит средством создания персонажа.
- Пространственно-временная организация текста: пространство антиутопий, как и пространство утопий, замкнутое; в обоих случаях замкнутость – обязательное условие сохранения стабильности, разнится лишь характер этой замкнутости и ее влияние на героев. Что касается времени, то действие в антиутопиях почти всегда происходит в будущем (неслучайно романы, написанные в этом жанре, называют романами-предупреждениями; так авторы, критикуя существующий строй, дают понять читателю, что именно описываемого ими будущего следует ждать, если учитывать тенденции настоящего).

- Система персонажей: как и в утопиях, изображается определенное общество и государство с определенной системой правления, как правило, тоталитарной. Главный герой показан включенным в это общество, причем важно, что герой противопоставляется целому миру, в котором ему приходится жить. Он не согласен с существующим строем, в одиночку противостоит огромной государственной машине, поэтому не может рассчитывать на победу (важно, что это не активное противостояние, герой не предпринимает никаких действий, полностью понимая, что успех в его положении недостижим). Общество в антиутопиях, как правило, имеет четкую вертикальную структуру, есть верхи социума и его низы; первых меньшинство, вторых – большинство. Вся жизнь организована так, что низы полностью подчиняются верхам. Как и в утопических произведениях, основу государства составляет общество «идеальных граждан», которые были воспитаны с малых лет в соответствии с существующими порядками. Одна из важных черт антиутопии – подавление личности и лишение прав принадлежности к человеческому роду.

Следует отметить, что для антиутопий характерна определенная проблематика: конфликт государства и человека; моральное угнетение и духовная деградация в условиях насилия; негативное влияние науки и техники, влекущее за собой деградацию личности. Антиутопии злободневны, поскольку перекликаются с настоящими проблемами в политике, экономике, религии и т.д.

Глава 2. Жанр утопии и антиутопии в творчестве Олдоса Хаксли

§ 2.1. Жанровое своеобразие романа-антиутопии О. Хаксли «О дивный новый мир»

Некоторые исследователи считают, что одним из первых романов-антиутопий можно считать философский трактат «Левиафан» Томаса Гоббса, написанный еще в XVII веке. Считается, что Гоббс в свое время заложил традицию, на которую ориентировались антиутописты последующих поколений. Расцвет жанра пришелся на XX век, и в русской, и в зарубежной литературе. За сравнительно небольшой по литературоведческим меркам срок было написано несколько значимых для жанра романов, поэтому XX век по праву называют веком расцвета антиутопии. Внезапная популярность жанра объясняется научно-техническим прогрессом и социальными потрясениями в виде войн и революций. Интерес к жанру обусловлен актуальностью и злободневностью такого рода литературы: описываемый строй и поднимаемые темы были очень схожи с реальной действительностью, в которой находились читатели.

В центре настоящего исследования творчество писателя XX века, которого многие знают именно по роману-антиутопии, Олдоса Хаксли. И.В. Головачева в книге «Путеводитель по «Дивному новому миру» и вокруг» отмечает, что в творчестве Хаксли прослеживается влияние двух исторических эпох. Первая – десятилетие между двумя мировыми войнами; для этой эпохи характерны «нигилизм, дух модерности, начало краха проекта Просвещения, Великая депрессия и очарование тоталитаризмом». Исследователь отмечает, что Хаксли не поддавался на советскую пропаганду, не соглашался с идеями большевиков о равенстве и отмене частной собственности. Вторая эпоха – это 1950-е и начало 1960-х, которую характеризует «устремление Западного Духа, обновленное мироощущение, требовавшее адекватной религиозной философии, которая синтезирует

мудрость Востока и научный прагматизм Запада. Проповеди Кришнамурти и лекции Алана Уоттса, попытки парапсихологов нащупать «срединный путь», поиск альтернативных способов расширения или исцеления сознания, предпринятый психиатрами, – все это так или иначе присутствует в послевоенных текстах Хаксли, давая нам самое яркое представление о духе времени» [9, с. 15]. Результатом размышлений, навеянных восточной религией и философией, стал последний роман писателя «Остров».

Изучая то или иное литературное произведение, мы не можем не брать во внимание два аспекта: исторический контекст и личность самого автора. Хаксли родился в 1894 году в городе Годалминг, графство Суррей, Великобритания. Окончил Баллиол, престижный колледж Оксфордского университета по специальности «английская литература». Хаксли не считал себя писателем и говорил, что, если бы мог родиться заново, то стал бы ученым. Он был серьезно увлечен наукой, его дед и брат были учеными, ученые были и в его окружении. Некоторые исследователи считают, что романом «О дивный новый мир» Хаксли предсказал будущее человечества, однако это утверждение сомнительно, поскольку его долгосрочное увлечение наукой (в частности, биологией, демографией и терапией) не могло не сказаться на его литературной деятельности, поэтому логичнее утверждать, что он применил знания и научное наблюдение в творчестве, а не просто «предвидел будущее».

В 20-30-е гг. Хаксли много путешествовал, жил в Италии и Франции, а в 1937 году и вовсе уехал с семьей из Великобритании и поселился в Лос-Анджелесе в надежде, что калифорнийский климат поможет его ухудшающемуся состоянию. У писателя всегда были проблемы со здоровьем, особенно со зрением, из-за чего он не смог принять участие в Первой мировой войне, однако в некоторых его произведениях нашли выражение предчувствия социальной катастрофы, близкие писателям

«потерянного поколения», которые видели войну своими глазами. Хаксли не принимал участие в военных действиях, поэтому иногда ему даже ставился в упрек тот факт, что писать о чем-либо, не имея соответствующего опыта, неправильно, в то время как другие видели все ужасы войны, теряли близких и получали увечья сами. Тем не менее, как писатель Хаксли преуспел в другом: он обратился к трагифарсу и смотрел на ту же безрадостную социальную и политическую обстановку своего времени, но через сатирическую призму смехового искусства с элементами гротеска. Часто в литературоведении встречается мнение, согласно которому в творчестве Хаксли присутствует изрядная доля сатиры. По мнению Зверева, автора статьи «Смеющийся век», «формой, наиболее аутентичной для смехового искусства должна быть признана та, в которой зло опознано, воссоздано и осуждено с максимально возможной полнотой, – сатирическая форма» [16, с. 10]. Сатира, продолжает свою мысль исследователь, в XX веке претерпела существенные метаморфозы, о чем свидетельствует творчество одного из главных сатириков XX века Олдоса Хаксли. «Своеобразие особенно чувствуется, когда Хаксли откровенно следует какому-то общеизвестному образцу, как бы создавая версию хорошо известного сатирического сюжета», пишет Зверев. Исследователь считает, что Хаксли как писатель был наиболее успешен в сатире («Слепой в Газе», «О дивный новый мир» и др.), а стремление выйти за сатирические рамки обернулось для него неудачей, а именно романом «Остров».

По мнению И.В. Головачевой, Хаксли «уделял слишком много (для литератора) внимания психобиологическому аспекту жизни человека» [9, с. 41]. Безусловно, эта важная особенность творчества, объясняемая увлечением наукой, которой писатель придавал большое значение, а также близким общением с учеными представителями естественнонаучных дисциплин. Хаксли интересовала не только наука, но и связанные с ней морально-этические проблемы. Его целью было широкое освещение

подобных проблем, а не только изучение их в узкоспециализированных кругах. Всегда интересовавшие писателя философская и социологическая проблематика воплотились в романе «О дивный новый мир», в котором изображается технократическое общество. Стабильность этого общества стала результатом подавления индивидуальности и отказа от культуры и привычных читателю человеческих взаимоотношений. Хаксли воспринимал обезличенность как «прямое следствие ослабления этических норм, создающего питательную среду для тоталитарных режимов» [44, с. 470]

В жизни Хаксли было много трагических событий, оказавших сильное влияние на него: смерть матери, когда будущему писателю было восемь; ранняя слепота; самоубийство брата; смерть жены. Эмоциональные потрясения стали причиной нескольких его заболеваний, явно имевших психосоматический характер. У Хаксли были широкие познания в психологии, особенно его интересовала связь телесного и психического; писатель много занимался самоанализом, выявляя свои типы в различных психологических классификациях. Так, он причислял себя к эктоморфам (для них характерно тонкое хрупкое тело, чувствительность, нервозность, непригодность к физической активности) и церебротоникам (это сверхвозбудимые интроверты, занятые своим внутренним миром, любящие уединение, обычно робкие, сдержанные, даже скованные, с острыми физиологическими реакциями). Самоанализ Хаксли был направлен не только на самопознание, но и на поиск средства от всех психологических проблем – не стоит забывать, что оба его брата страдали от депрессий, поэтому Хаксли знал, что в их семье депрессивные состояния являются наследственными. Вторая жена писателя Лаура Арчера практиковала психотерапию и очень помогала ему справляться с горем посредством гипноза и упражнений, описанных в ее книге. Практики, предлагаемые Лаурой, нашли отражение в последнем романе писателя «Остров». Стоит отметить, что «тема поисков

надежной этической доктрины за пределами миропонимания - важнейшая тема поздних произведений Хаксли», как считает Зверев [44, с. 470].

После переезда в Калифорнию Хаксли еще больше погрузился в изучение сути человеческой личности и размышления о проблемах будущего человечества. Сложно не заметить, как в творчестве Хаксли сменяется тональность его произведений: от пугающего «дивного нового мира» писатель постепенно переходит к идеальному миру на острове Пала; от утонувшего в порочности, гедонизме и some общества Мирового Государства к слаженному, дарящему надежду на выздоровление остального мира обществу островитян. Такой переход объясняется увлечением мистицизмом и поиском смысла бытия, которые нашли отражение в поздних произведениях писателя. Проза Хаксли с годами начинает носить более моралистический характер. Знакомство с Джидду Кришнамурти, индийским философом, подталкивает его к углублению давнего интереса к трансцендентальному. В это же время Хаксли экспериментирует с психотропными веществами и их влиянием на сознание человека – позже эти эксперименты будут описаны в романе «Остров», главной идеей которого становится идея невозможности противостояния губительному влиянию технического прогресса.

Хаксли умер 22 ноября 1963 года, причиной смерти стал рак гортани. Смерть писателя мало освещалась в СМИ, поскольку в тот же день был убит президент США Джон Кеннеди.

Теперь снова обратимся к жанру антиутопии и рассмотрим его особенности в соответствии с теми критериями, которые мы выделили выше, на конкретных примерах из романа «О дивный новый мир».

Итак, начнем с пространственно-временной организации текста, которую в литературоведении также называют хронотоп. Исследование хронотопа подразумевает изучение «взаимосвязи временных и

пространственных отношений» [4, с. 234]. В литературе хронотоп имеет большое значение, поскольку он в большей мере определяет жанр произведения. Действие в романах-антиутопиях почти всегда происходит в будущем. Антиутопии часто называют романами-предупреждениями, поэтому обращение писателей к будущему обосновано: авторы недвусмысленно дают читателям понять, что будущее, которое они описывают, имеет все шансы стать реальным, если учитывать тенденции настоящего. В романе «О дивный новый мир» ведется свой отсчет времени: события происходят в «632 году эры стабильности, Эры Форда», названной по имени Генри Форда, владельца заводов по производству автомобилей. Эта личность выбрана неслучайно – Форд стал первым, кто начал использовать конвейер для поточного производства, а производство и потребление играет огромную роль в обществе, которое описывает Хаксли.

В романе два типа пространства: первое – это Мировое государство, которое населяют люди, принявшие «дивный новый мир». Второе – это резервация, в которой живут так называемые «дикари», у которых все так же, как и прежде, есть старость, болезни, институт семьи и т.д. Интересно пронаблюдать, как расширяется пространство романа с точки зрения читателя. Вначале мы видим центр Мирового Государства – Инкубаторий, откуда появляются «идеальные граждане», и Воспитательный Центр, где их воспитывают должным образом, а именно с помощью гипнопедии закрепляют все нужные установки в детском сознании. Далее мы видим резервацию, полностью противоположную Заоградному миру. Такой резкий контраст сразу дает понять, что в противостоянии этих двух совершенно разных миров и заключается основной конфликт. Пространство антиутопий всегда замкнуто, и это не случайно. Отделенность от всего остального мира, небольшая площадь (и, как следствие, полная открытость перед правительством) всегда действуют против главного героя, еще больше подчеркивают безнадежность его положения и нагнетают отчаяние. Природа

обычно находится в отдалении от тех мест, где обычно бывают герои; как правило, нет хорошей погоды – природа тоже выступает средством нагнетания безысходности. Два отдельных мира, изображенных в романе, развиваются по-своему, поэтому в каждом из них всегда очень заметно противопоставление «свой – чужой» (Бернард и Линайна в резервации или Джон и Линда в «дивном новом мире») Замкнутость Мирового государства создает полное впечатление невозможности изменить что-либо в этом идеально отлаженном мире.

Говоря об особенностях системы персонажей анитутопий, следует отметить следующее: изображается определенное государство, его политическая структура и общество, которому противопоставлена противящаяся режиму несломленная личность. Соответственно, сюжетный стержень произведения – это конфликт человека и государства. В романе «О дивный новый мир» весь мир объединен в одно Мировое государство, у которого нет единого правителя и столицы. Власть представляют всего десять Главноуправителей. Население Мирового Государства – это хорошо организованное общество потребления. С младенчества каждому гражданину прививаются определенное мировоззрение. Человек должен быть активным потребителем. Все, что достается бесплатно (например, времяпрепровождение на природе) – экономически невыгодно и «не загружает фабрики заказами» [37, с. 33]. Считается, что даже детские игры должны способствовать росту потребления. Политическое устройство государство не столь важно для Хаксли, он больше внимания уделяет тому, как устроено само общество. Оплодотворение уже не совершается естественным путем – напротив, это считается пошлым и ужасно неприличным. Каждый гражданин Мирового Государства зачат искусственно в Инкубатории и Воспитательном Центре. Еще на стадии зачатия известно, каким человеком станет тот или иной эмбрион, каков будет его интеллектуальный уровень и, соответственно, его карьера тоже

предопределена. Каждый гражданин – винтик в идеально отлаженном и хорошо функционирующем механизме.

Общество в антиутопиях всегда устроено нестандартно и, как правило, наблюдается четкое расслоение. У Хаксли судьба каждого индивида предопределена еще до рождения. Каждый принадлежит той или иной касте и годится только для определенной работы. Касты отличаются друг от друга не только цветом одежд, но и внешним видом и умственным развитием. В Инкубаториях процесс по созданию новых граждан представляет собой оплодотворение яйцеклеток, часть из которых формируется в эмбрион без вмешательства (это будущие альфы и беты), а над гаммами, дельтами и эпсионами проводится серия процедур, направленная на почкование и последующее угнетение развития. Такой метод считают «одним из главных оружий общественной стабильности. Он дает стандартных людей. Равномерными и одинаковыми порциями» [37, с. 11]. Это общество, в котором каждый на своем месте, все счастливы, нет одиночества, побеждены болезни и старость. Все неприятное устраняется, человечеству больше не нужно быть устойчивыми к бедам. Не нужно ничего стойко переносить, потому что ничего такого больше нет. В то же время есть дикари, живущие в резервации, у которых нет всех благ Мирового Государства. У них по-прежнему есть институт семьи, браки, они сами рожают детей; у них сохраняется религия, язычество, жертвоприношения, болезни, старость. Лозунг Мирового Государства: «Общность. Одинаковость. Стабильность» [37, с. 4].

Одно из средств, задающих тон произведению – деперсонификация личности, проявляющаяся в отсутствии портретной характеристики (а иногда и имен героев), внешней одинаковости, общности сознания, определенного положения в огромной государственной машине. Каждому герою отказано не только в праве быть личностью, но и в праве на личные воспоминания и

чувства. Тем не менее, личные воспоминания все же иногда прорываются в сознании героев – поэтому сюжет произведения и его фабула не совпадают.

Несмотря на то, что главный герой антиутопии не согласен с существующим строем, он при этом не революционер и не предпринимает активных действий. Главный герой романа «О дивный новый мир» Бернارد Маркс чувствует себя чужим и несчастным в идеально построенном мире Мирового государства. У него есть своя точка зрения, свои мысли, ему предпочтительнее одному предаваться размышлениям, чем развлекаться и принимать сому. Бернارد, в отличие от всех остальных, сознательно отказывается от таблеток сомы, предпочитая сохранять трезвость мышления. Как-то он говорит Линайне, что можно быть счастливым по-другому, не так, как счастливы все в этом обществе. Для него единственного счастье не связано с наркотиком или потреблением товаров. «Часто он, бывало, раньше думал, что не худо бы перенести какое-нибудь суровое испытание, мучение, гонение – причем без сомы, опираясь лишь на собственную силу духа; ему прямо мечталось об ударе судьбы» [37, с. 144]. Еще одна причина, отдаляющая его от общества – его внешний вид. Все альфы и беты уникальные и совершенные организмы, их молодые, здоровые, подтянутые тела являются эталонными для каст, к которым они принадлежат. Бернارد несмотря на то, что он альфа-плюсовик, из-за своего физического несовершенства не чувствует себя равным другим представителям альфа-касты. Он всегда стремится отдалиться от общества. «Говорят, когда он еще был в бутылки, кто-то ошибся – подумал, что он гамма, и влил ему спирту в кровезаменитель. Оттого он и щуплый вышел» [37, с. 67]. «Бернارد был на восемь сантиметров ниже, чем определено стандартом для альф, и соответственно щуплей нормального. При общении с низшими кастами он всякий раз болезненно осознавал свою невзрачность» [37, с. 91]. «Вследствие насмешек он ощущал себя чужим, а стало быть, и вел себя как чужой – и этим усугублял предубеждение против себя, усиливал презрение и

неприятнь, вызываемые его щуплостью. Что, в свою очередь, усиливало его чувство одиночества и чуждости. Из боязни наткнуться на неуважение он избегал людей своего круга, а с низшими вел себя преувеличенно гордо» [37, с. 92]. Общась с низшими кастами, они ведет себя подчеркнито резко и надменно, отдает приказы тоном «к какому прибегает человек, не слишком уверенный в своем превосходстве» [37, с. 91]. Бернард не вызывает симпатии, как это обычно бывает с героями, которые не вписываются в существующее общество. «Презирающих тебя сам встречай презрением», думает он [37, с. 50]. Его внешний вид не соответствует его касте, поэтому его не воспринимают всерьез равные ему люди. Это сделало его озлобленным, поэтому он старается самоутвердиться, грубо и надменно обращаясь с представителями низших каст. Его недолгая популярность стала возможной лишь благодаря Дикарю, а когда тот отказался выходить к гостям, все снова вспомнили, что Бернард — пустышка. Зато, когда все от него отвернулись, и он снова стал несчастным, он снова вернул себе расположение Дикаря, по замечанию которого «лучше уж несчастье, чем твое фальшивое, ложное счастье прошлых недель».

Кроме Бернарда «дивному новому миру» противопоставлен еще один герой – Дикарь, Джон. Поначалу он очень воодушевлен мыслями о Лондоне и возможности там побывать, представляя себе действительно «дивный новый мир». Ему кажется, что там все такие же молодые и прекрасные, как Линайна. Оказавшись в цивилизованном мире, он не удивлен технологиями, которые видит. Вероятнее всего, как считают герои, это потому, что его мать, Линда, много рассказывала о Заоградном мире. Однако во время экскурсий на заводы он видит десятки абсолютно идентичных гамм, дельт и эпсионов, и ему становится дурно. Его приводит в ужас и глумление над его верой, и просмотр порнографических фильмов в кино, и смех над поэзией Шекспира, и беспорядочные связи. Дикарь начинает понимать, что образ жизни цивилизованных людей праздный, сами они инфантильны, а все счастье –

фальшивое. Этот образ настоящего Лондона все же разрушил все милые сердцу воспоминания – Дикарь сразу стал вспоминать все плохое, что было с ним в жизни. Несмотря на то, что он по-настоящему любит Линайну и готов ради нее на все, он отталкивает ее, когда она хочет близости с ним, называя «блудницей», потому что не может перебороть себя.

Романный мир, как правило, показан изнутри, глазами отдельных героев. В романе повествование ведется от третьего лица, однако сосредоточено вокруг мыслей и точки зрения нескольких ключевых героев. Повествование в романах-антиутопиях может вестись от имени героя в виде дневника или заметок. Настоящие мысли и переживания героя могут быть только в его голове и иногда на бумаге.

Главная проблема общества – духовная деградация человека в условиях насилия и/или несвободы. Граждане Мирового Государства даже не знают, что они не свободны. У них есть все развлечения, сома и «взаимопользование», они не знают, что в жизни могут быть сложности, закаляющие характер, морально-этические дилеммы, воспитывающие нравственность, сложные взаимоотношения между людьми. Для жителей Заоградного мира всего этого не существует. А Дикарь у Хаксли отстаивает свое право быть несчастным или злым, доказывая, в «грозах» жизни есть смысл, ведь они закаляют характер. Но в мире, который полностью окружает комфортом, этому нет места. «Как для фордов необходима сталь, так для трагедий необходима социальная нестабильность. Теперь же мир стабилен, устойчив. Люди счастливы; они получают все то, чего хотят, и не способны хотеть того, чего получить не могут. Они живут в достатке, в безопасности; не знают болезней; не боятся смерти; блаженно не ведают страсти и старости; им не отравляют жизнь отцы с матерями; нет у них ни жен, ни детей, ни любовей – и, стало быть, нет треволений; они так сформованы, что практически не могут выйти из рамок положенного» [37, с. 297].

В государствах, где вся жизнь упорядочена до мелочей, герои не могут сопротивляться и подстраиваются под систему, им присущи рационализм и запрограммированность. Если, например, у Оруэлла это качество развилось под влиянием постоянного страха быть пойманным и «распыленным», запрограммированность у героев Хаксли заложена с рождения. Принципиальное различие миров «1984» и «О дивный новый мир» в том, что в первом случае свобода героев ограничена снаружи, а во втором – изнутри. У граждан Мирового Государства просто нет выбора, они не знают другой жизни. Общество функционирует как одна большая система за счет того, что это общество потребления, и все заняты делом: есть те, кто производит, и те, кто потребляет. Численность населения внимательно контролируется, причем разбивка общества на касты необходима. Когда Дикарь предлагает всех делать альфами, ему говорят, что это полнейший абсурд – ведь такое общество не будет счастливо и стабильно. «Человек, сформованный, воспитанный как альфа, сойдет с ума, если его поставить на работу эpsilon-полукретина, сойдет с ума или примется крушить и рушить все вокруг. Альфы могут быть вполне добротными членами общества, но при том лишь условии, что будут выполнять работу альф» [37, с. 300]. Мустафа Монд говорит, что «оптимальный состав народонаселения смоделирован нами с айсберга, у которого восемь девятых массы под водой, одна девятая над водой» [37, с. 303]. По мнению Главноуправителя, низшие касты даже счастливее высших, поскольку низшие воспринимают свою работу как свою судьбу, «даже после раскупорки продолжая жить в бутылки» [37, с. 301].

Ограничение свободы – насильственное или ненасильственное – подавляет личность и лишает прав принадлежности к человеческому роду. Романский мир Хаксли кому-то может показаться утопией, ведь разве не о такой счастливой и беззаботной жизни мечтают многие? Но если посмотреть в самую суть устройства этого мира, становится понятно, что это та же диктатура с подавлением личности и устранением всего индивидуального в

человеке. Каждый здесь просто винтик огромной машины. Государство максимально поощряет тягу людей к развлечениям и дурманящим веществам – это гениальный ход, поскольку люди, находясь в таком комфортном рабстве, не могут и подумать, как много у них отнимают.

Революционная борьба в антиутопиях бессмысленна, поскольку социальное зло неустранимо. Задача Мирового Государства в романе «О дивный новый мир» — убедить граждан, что счастье и смысл жизни находятся в плоскости человеческой деятельности, а именно состоят в потреблении. У них нет необходимости задумываться о смысле жизни, они и так счастливы. Потребление нового делает людей счастливыми, и нужно убедить их в этом, поэтому так важно избавиться от старого. Люди не должны думать.

Создание идеальных винтиков в антиутопичном мире начинается с самых первых дней жизни, а иногда и до рождения. Детство в «дивном новом мире» также проходит так, как того желает государство. После раскупорки бутылей детей воспитывают в Младопитомнике, где формируются рефлексы. Детей воспитывают во сне с помощью гипнопедии – так формируются шаблоны поведения. «Мозг рассуждающий, желающий, решающий – весь насквозь будет состоять из того, что внушено. Внушено нами! Внушено Государством!» [37, с. 42]. Гипнопедические установки, усвоенные во сне, человек проносит через всю свою жизнь. Герои то и дело говорят заученными фразами: «Каждый принадлежит всем остальным», «Я так люблю носить все новое. А старая одежда - бяка. Старье мы выбрасываем. Овчинки не стоят починки. Чем старое чинить, лучше новое купить. Прорехи зашивать - беднеть и горевать», «Сомы грамм - и нету драм. Лучше полграмма, чем ругань и драма». Детей с малых лет обучают эротическим играм и основам половых взаимоотношений. В обществе, описанном в романе, нет понятия верности. Традиционное представление о семье

извратили. Теперь «каждый принадлежит всем остальным», все «развлекаются» со всеми. Детей учат быть потребителями: «В Питомнике уже отдолбили основы кастового самосознания, голоса теперь готовили будущего потребителя промышленных товаров» [37, с. 50].

В романе «О дивный новый мир» интересна прежде всего двойственность описываемого автором мира: с одной стороны, это самое счастливое общество, не знающее войн, болезней и старости; это общество, в котором всем правит гедонизм, и в котором никто не чувствует себя несчастным. Однако, с другой стороны, это все же общество тотального контроля - каждый счастлив потому, что у него отобрали право быть несчастным. Граждане Мирового Государства не ведают страстей и разочарований, им непонятны сложные и высокие чувства, поэтому все, что их волнует – это развлечения и «взаимопользование». Несчастливы лишь те, кто знает правду: Главноуправители и свободомыслящие граждане, которые по каким-то причинам не подверглись гипнопедическим внушениям и добровольно отказались затуманивать разум сомой.

Наука и техника в антиутопиях не благо, а враждебные культурные средства порабощения человека. Как уже упоминалось, «дивный новый мир» состоит исключительно из счастливых потребителей, поэтому развитие науки и техники направлено на получение удовольствия (ощущалка, сома, электромагнитный гольф, жевательная секс-гормональная резинка, синтетическая музыка). Сомы – это наркотик, который употребляют все касты для того, чтобы расслабиться, поднять настроение и избавиться от дурных мыслей или неприятных впечатлений. Говоря о роли религии в обществе Мирового Государства, один из Главноуправителей Мустафа Монд называет сому «христианством без слез». К слову, религия не исчезла полностью, но изменилась личность бога. Богом теперь считается Генри Форд, поэтому в речи людей нередки восклицания вроде «ей-форду», «о

Господи Форде!», «Господь наш Форд», «его фордейшество», а граждане Мирового Государства осеняют себя знаком Т вместо креста у христиан.

Элементы фантастики, вводимые в романы-антиутопии, нужны для того, чтобы раскрыть социальный абсурд. Антиутопия связана с процессами, которые читатель должен узнать. К слову, тоталитаризм наиболее закономерен для антиутопий; демократия здесь просто немыслима. Антиутопии одновременно и близки читателю, и далеки от него. С одной стороны, в произведениях узнаются черты современной действительности (правда, возведенные в крайнюю степень, но все же схожие с исторической действительностью читателя), но с другой стороны, описываемый мир только стремится стать реальностью, и пока все же далек от читателя и по времени, и по ценностям романного мира. Как правило, состояние внешнего мира тождественно внутреннему состоянию героя. Как в мире происходят бедствия и катастрофы, так и у героя в душе не прекращается борьба. Мы видим, что лозунги об одинаковости на самом деле имеют мало общего с действительностью, всегда в романе есть антагонист, даже если он не действует открыто.

Исследователь С.Г. Шишкина в работе «Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра» считает, что утопия и антиутопия находятся между собой в диалогических отношениях [43, с. 200]. Иными словами, у обоих жанров есть общие принципы построения, и на каждом определенном отрезке времени один из жанров является основой для развития. Поэтому рассмотрение антиутопии через определение утопии «от противоположного» видится закономерным. Шишкина отмечает, что «в основе утопических построений лежит мысль, создающая некий утопический хронотоп, вынесенный за рамки настоящего, реального исторического» [43, с. 201]. Шишкина, ссылаясь на исследователя Л.М. Юрьеву, приводит следующие особенности романов-антиутопий: место действия – тоталитарное

государство, территория которого огорожена от всего мира; личности граждан подавлены, и это «порабощение» очевидно абсурдно; истории и прошлого не существует; главный герой всегда противостоит существующему строю; несмотря на жесткую диктатуру, герою зачастую удается встретить свою любовь, которая противопоставляется тоталитаризму; яркие природные краски лишь усиливают настроение безысходности; происходящие события могут описываться в виде дневника; между прошлым, настоящим и будущим отсутствует преемственность. Стоит отметить, что изложение повествования в виде дневника героя-бунтаря не является обязательным условием антиутопических романов, однако если автор все же использует этот прием, то на него следует обратить внимание, поскольку в дневнике не просто фиксируются происходящие события, но и отражаются истинные мысли и чувства героя. Каким герой должен быть в социуме и каким он является на самом деле – это два разных человека. Об этом можно судить по дневниковым записям, что особенно подчеркивает безнадежность ситуации. Что касается хронотопа, то он, как правило, замкнут, время в антиутопиях всегда антиисторично, история как будто остановилась и больше не существует. Поскольку время и пространство замкнуты, иногда читатель забывает, в какое время разворачиваются события, у него возникают ассоциации, и он невольно соотносит описываемые события с его историческим временем. Шишкина добавляет, что эти критерии подходят и для русской, и для зарубежной литературы. Изучение антиутопий в отрыве от утопий не будет полным и всесторонним, поскольку оба этих жанра совершенно явно перекликаются. Если утопия изображает мечту, то антиутопия ее развенчивает. Если утопия предлагает светлые и добрые идеалы, то антиутопия утверждает, что при попытке реализовать эти идеалы, человечество неизбежно столкнется с тоталитаризмом. Антиутопия – это утопия, вывернутая наизнанку. В утопии повествование разворачивается вокруг целого общества, а в антиутопии –

вокруг отдельно взятой личности. Иногда рассматривают не дихотомию «утопия – антиутопия», а триаду «утопия – антиутопия – дистопия». Под термином «дистопия» понимается так называемая «негативная утопия», отличительной чертой которой является отсутствие детальной проработки устройства вымышленного мира - описание строится на основании точки зрения рассказчика, который постепенно начинает сомневаться в устройстве мира, в котором он живет.

Следует отметить и субъектно-речевую организацию текста. Речь персонажей – одна из важных черт для создания образа героя. Эта черта очень хорошо проявляется в романе Хаксли. Достаточно вспомнить речь Дикаря, выросшего на поэзии Шекспира и говорящего правильным литературным языком и выражающим свои собственные мысли, и речь Линайны, говорящей только заученными гипнопедическими фразами, усвоенными в Младоприемнике.

С.Г. Шишкина отмечает еще одну особенность антиутопий: «В XX веке в рамках антиутопического жанра ярко прослеживается и другая тенденция – идея бессилия разума перед животным началом в человеке» [43, с. 205]. Далее она продолжает: «Налет цивилизованности легко слетает с человека, извлеченного из цивилизации XX века или попавшего в экзистенциальную «пограничную ситуацию» [43, с. 205].

Как уже было сказано, не всегда удастся разграничить утопию и антиутопию, поскольку они находятся между собой в диалогических отношениях и один жанр может незаметно перейти в другой. Роман Хаксли «О дивный новый мир» принято относить к романам-антиутопиям, однако есть мнения, согласно которым этот роман на самом деле утопия. Как правило, главным аргументом этой точки зрения становится мысль, что о такой жизни, какую ведут граждане Мирового Государства, можно только мечтать. Кто бы отказался от жизни без старости, болезней, глобальных

проблем вроде голода или загрязнения окружающей среды; жизнь этих людей состоит из приятного им труда и развлечений; грустные мысли можно в два счета развеять одной таблеткой. С этой точки зрения становится непонятна позиция Дикаря, требующего права на печаль и трудности. Так, может, «О дивный новый мир» все же утопия? В любой науке всегда будут разные равноценные точки зрения, и отметать другие ради одной несправедливо. Проблема жанровой принадлежности романа «О дивный новый мир» Хаксли только лишний раз подчеркивает, иногда непросто разграничить такие разные на первый взгляд понятия — утопию и антиутопию.

§ 2.2. Жанровое своеобразие романа-утопии О. Хаксли «Остров»

Теперь рассмотрим на примере романа Хаксли «Остров» такие жанровые черты, как пространственно-временная организация текста, система персонажей и субъектно-речевая организация.

Поскольку в утопических произведениях повествование разворачивается вокруг некоторого идеального государства и его граждан, то, как правило, специально подчеркивается особое положение этого государства. Отделенность от всего мира, недоступность для иностранных граждан, собственные культура, политика, экономика и т.д. абсолютно без какого-либо влияния извне, иными словами, полная замкнутость на себе. Напоминает пространство в антиутопиях, где оно бывает отграничено даже физически стенами. Однако есть существенная разница: замкнутость антиутопического пространства необходима для большего подавления воли граждан, а в замкнутости утопий — секрет всеобщего благополучия.

В романе «Остров» изолированность Палы – одно из важнейших преимуществ острова для его жителей. Именно этот фактор послужил самобытному развитию общества, поэтому на Пале нет религиозных конфликтов, многих болезней, алкоголя и т.д. Важность оторванности от всего остального мира становится особенно заметной при посещении героями других городов: «Город [Шивапурам] приятен сам по себе. Его главный недостаток заключен в близости к внешнему миру. Здесь мы можем себе позволить игнорировать его организованное безумие и заниматься своим делом. А там, со всеми этими антеннами, с постами прослушивания радио и каналами связи, без которых не может обходиться правительство, внешний мир буквально дышит тебе в затылок. Ты его слышишь, ощущаешь, чувствуешь его запах – да, до тебя как будто доносится даже его запах» [38, с. 155]. При этом Пала открыто отвергает сотрудничество с коммунистами, капиталистами и прочими, поэтому совсем не имеет союзников. Получается,

что Пала очень уязвима – остров богат нефтью, но у него нет ни могущественных союзников, ни своей армии.

Если антиутопии в большинстве своем предлагают пугающие картины будущего, то утопические произведения изображают и славное прошлое, и настоящее. Хаксли, следуя канонам жанра, помещает героев в свое или близкое к своему время. Стоит отметить, что и сегодня, спустя почти 60 лет не создается впечатления, что события имели место в прошлом столетии, напротив, легко представить, что то, о чем повествует Хаксли, возможно и сегодня.

Утопии изображают не отдельную личность, а целое общество, (вспомним, что в центре антиутопических произведений – отдельная личность, а также конфликт государства и личности). Утопическое общество представляет собой людей, схожих не только взглядами, но даже немного внешне. Так, первые люди, которых Уилл увидел на острове, были дети, мальчик и девочка. «Уилл переводил взгляд с одного ребенка на другого. До чего же они были красивы, до чего безупречно сложены, как невероятно элегантны! Словно два маленьких отборных выставочных образца. Лучший образчик округлой и коренастой породы с лицом херувима – таким был мальчик. А девочка являла собой другой тип совершенства – с ясно очерченным, несколько удлинённой формы серьезным лицом, обрамленным прядями темных волос» [38, с. 16]. Уже потом, когда главный герой будет знакомиться с другими жителями острова, он заметит, что они так же красивы, как дети, которых он увидел первыми.

Главный герой утопий обычно либо попадает по сюжету в идеальное государство из внешнего мира, либо сам является гражданином этого государства. В романе Хаксли «Остров» главный герой – журналист Уилл Фарнаби. Роман начинается его пробуждением в беспамятстве на поляне среди деревьев. Через какое-то время память к нему возвращается, он

вспоминает, где он находится и как тут оказался: «И слова словно спустили курок в его памяти. Он мгновенно вспомнил все. Это была Пала. Запретный остров, где не удалось побывать еще ни одному журналисту. А сегодня наступило утро после того дня, когда он по глупости отправился в одиночное плавание на яхте из гавани Ренданг-Лобо» [38, с. 13]. Яхта Уилла попала в шторм, однако ему удалось направить ее поверх барьерного рифа к единственной полоске песчаного пляжа.

Жителям Палы Уилл говорит, что его цель — сбор материалов для статьи о новом режиме военного диктатора полковника Дипы, однако он не откровенен полностью. «Официально Уилл прибыл в Ренданг, чтобы прочувствовать дух смерти, витавший в милитаризованном воздухе островной страны, но ему поручили, кроме того, прощупать взгляды диктатора на иностранные капиталовложения, какие налоговые поблажки он готов был бы предоставить зарубежным инвесторам, какие гарантии мог дать, что предприятия не будут национализированы. И какую часть прибыли будет разрешено вывезти из страны? Сколько придется нанять технических и административных сотрудников из числа местных жителей? Длинный список вопросов» [38, с. 32]. Герой у Хаксли не просто путешественник, оказавшийся в другой стране по воле случая. У него была цель попасть на остров и план, как достичь этой цели, что нетипично для утопий.

У жителей Палы одно мировоззрение, схожие мнения по многим вопросам, даже некоторое внешнее сходство. Все герои как один, они не индивидуализированы, поэтому у них нет внутренних противоречий. Дети ведут себя так же, как взрослые, к примеру, почти невозможно уловить разницу между поведением Сузилы и Мэри Сароджини. Стоит отметить, что здесь Хаксли отходит от канонов жанра: на острове Пала живет счастливое и гармоничное общество, однако им противопоставлены Королева-Мать Рани, жена Раджи и ее сын Муруган, будущий правитель острова, стремящиеся к

индустриализации и налаживанию связей с другими государствами. Очевидно, что такая политика разрушит гармонию острова, но это совсем их не беспокоит.

Утопические романы отличает то, что в них подробно, буквально до мелочей описывается государственный строй, общественная жизнь и т.д. Герои часто произносят длинные монологи, рассказывая о том, как все устроено на острове во всех сферах общественной жизни. Ведя беседу с молодым человеком по имени Ранга, Уилл понимает, что жители острова Пала действительно живут хорошо: «У нас прекрасно развита санитария почти с начала века, но мы избежали перенаселенности, мы не нищие, и нами не правит диктатор. А причина очень проста: мы предпочитаем жить разумно и реалистично» [38, с. 116]. Благополучие сложилось не только благодаря мудрым правителям, но и благодаря удачному расположению самого острова: «Прежде всего мы никогда не были ничьей колонией. Ренданг обладает великолепной естественной гаванью. И это привело к тому, что туда еще в Средние века вторглись арабы. У нас такой гавани не было, и арабы оставили нас в покое, а потому мы по-прежнему остаемся буддистами или шиваитами, не считая тантрических агностиков. <...> После арабов туда пришли португальцы. А к нам — нет. Без гавани мы были португальцам неинтересны. Поэтому у нас нет католического меньшинства, никаких богохульных проповедей, что люди должны доводить себя до самоистязания и испытания веры бедностью, никакого организованного сопротивления контролю над рождаемостью. И это не единственная благодать, осенившая нас. После ста двадцати лет господства португальцев на Цейлон и Ренданг пришли сначала голландцы, а потом англичане. Мы избежали обеих эпидемий. А без голландцев и англичан мы не узнали, что такое жестокие плантаторы, нищенский труд кули, экспорт урожая тропических культур с целью обогащения, что означало бы систематическое истощение почвы острова. А кроме того, мы обошлись без виски, без кальвинизма, без

сифилиса и без иностранных губернаторов. Нам предоставили возможность идти своим путем и самим нести ответственность за собственную судьбу» [38, с. 116].

Как правило, в утопических произведениях нет динамичного развития событий, как в антиутопиях. Сюжета в утопиях как такового нет, как правило, описывается путешествие героя в идеальную страну и описание уклада жизни этой страны. Описание занимает центральную часть произведения, поскольку бессюжетность компенсируется подробностью описаний и обилием деталей. Описания системы образования, устройства семей, процесса воспитания, государственного устройства и прочих аспектов жизни в романе «Остров» очень подробные и развернутые.

Наука и техника в антиутопиях существуют и развиваются исключительно для еще большего порабощения человека. В утопических произведениях все наоборот. Например, благополучие островитян обеспечивает и так называемая Экспериментальная станция, на которой выводятся новые виды риса, кукурузы, проса, улучшаются породы домашнего скота и птицы, разрабатываются новые методы культивации и получения компоста. Вследствие этой масштабной работы уровень жизни на острове стал значительно лучше. Население стало расти, остро встал вопрос о контроле численности населения. Вопрос решился не только внедрением средств контрацепции, но и обучением всех желающих особой йогой любви.

Сами люди становятся лучше. Многие семейные пары прибегают к искусственному оплодотворению, не имея проблем с зачатием. Их цель – передать своим детям гены более высокоразвитых людей с лучшим, чем у родителей, уровнем физического и умственного развития.

На Пале свои представления о семье, которые в каком-то смысле можно назвать прогрессивными. «В нашем обществе слово «мать» обозначает лишь функцию. Когда функция положенным образом исполнена, титул как таковой

отпадает; бывший ребенок и женщина, которую до поры звали его матерью, выстраивают между собой иного рода отношения. Если они ладят между собой, то видятся часто. В противном случае их пути расходятся. Никто не ожидает от них тесных контактов, и подобные контакты не приравниваются к любви, не считаются чем-то особенно показательным» [38, с. 126]. «Возможность ухода из семьи лежит в основе новой системы семейных отношений. Как только милый родительский дом становится немилым и даже невыносимым, ребенку не просто разрешено, но и настоятельно рекомендуется <...> перейти в любой другой из своих домов» [38, с. 127]. «Все мы принадлежим к одному из КВП – клубов взаимного приятия. И каждый КВП состоит из пятнадцати или даже двадцати пяти семей. Только что поженившиеся пары, зрелые родители со взрослыми детьми, бабушки и прадедушки – любой член клуба обязан принять другого. Помимо своих кровных родственников у нас у всех есть другие мамы, папы, тети и дяди, братья и сестры, совсем маленькие детишки и подростки» [38, с. 128]. «Совершенно иная разновидность семьи. Не замкнутая, как ваша, не предопределенная на всю жизнь и не навязанная вам судьбой. Обширная, не скованная никакими рамками и добровольная семья» [38, с. 129]. «Наша цель – воспитание хороших людей. Мы не насаждаем в умы никаких догматов. И самое главное – мы не отбираем детей от родителей, а, напротив, даем им дополнительных родителей, взрослым – новых детей» [38, с. 130].

«Идеальность» Палы как государства достигается тем, что граждане государства не готовятся к войнам и не участвуют в них. Экономика Палы не допускает появления богачей, соответственно нет магнатов, всемогущих финансистов и политиков. Безусловно, есть локальные лидеры на местах, но нет одного единственного узурпатора власти. Институт церкви как таковой отсутствует вовсе. Религия вообще основывается на личном опыте и не поощряет веры в догмы, которые нельзя проверить. Жители Палы с малых лет учатся не относиться к словам слишком серьезно и анализировать всю

имеющуюся информацию. Благодаря этим навыкам вероятность появления харизматичного лидера крайне мала.

Средства массовой информации представляют собой всего одну газету, редакторами которой являются представители разных партий и движений. Для каждого в газете отводится площадь для публикации, где можно выразить свою точку зрения. Так читатель имеет возможность сравнить разные точки зрения и самостоятельно решить, кто прав.

Преступность также под полным контролем. Ученые палы заметили, что у детей в возрасте между четырьмя и пятью с половиной годами можно безошибочно диагностировать склонность к девиантному поведению — иными словами, будущих преступников можно распознать и перевоспитать еще в детстве. Если правонарушение все же совершается, то оно разбирается в группе взаимного приятия. «Групповая терапия внутри общины практически трансформировалась в коллективную ответственность за правонарушителя» [38, с. 226]. В более сложных случаях к терапии добавляются медицинские процедуры и рассмотрение дела в суде.

В традиционном понимании искусство – это результат душевных мук художника, выражение его страданий. Казалось бы, искусство в государстве всеобщего благополучия существовать не может. Однако искусство на Пале все же есть, только воспринимать его следует по-другому. Здесь искусство доступно каждому и может создаваться каждым. Его ценность состоит в том, что оно помогает ближе познакомиться с тем миром, в котором обитают жители Палы. Иначе говоря, искусство носит прикладной характер.

Несмотря на независимость Палы от остального мира, связь с ним все же есть – это импорт. Импортируется только самое необходимое. Так на Палу пришло электричество. «Ленин говорил, что коммунизм – это социализм плюс электрификация всей страны. Мы придерживаемся иного уравнения. Электрификация минус тяжелая промышленность плюс контроль над

рождаемостью равняется демократии и процветанию. Электрификация плюс тяжелая промышленность минус контроль над рождаемостью ведут к нищете, тоталитаризму и войнам» [38, с. 208]. «По большей части мы – кооператоры. <...> Нашему народу вполне подходит взаимная поддержка в деревенских общинах и кооперативная тактика при продаже, покупке, распределении финансовых средств и прибыли» [38, с. 208]. «У нас нет никаких кровопийц-ростовщиков, которых вы встретите, например, по всей сельской Индии. И мы не создаем коммерческих банков в вашем, западном, стиле. Наша система денежных займов и ссуд построена по модели кредитных союзов, созданных более столетия назад в Германии Вильгельмом Райффайзеном» [38, с. 209]. «Не страдая от перенаселения, мы живем в достатке. И при этом мы сумели избежать искушения, которому поддался современный Запад, – искушению чрезмерного потребления. Мы не страдаем от заболеваний сердца и ожирения, поглощая в шесть раз больше еды, чем необходимо. Мы не убеждаем себя, что два телевизора в каждом доме сделают нас вдвое счастливее. И наконец, мы не расходует треть своего валового национального продукта на подготовку к Третьей мировой войне <...>. Гонка вооружений, всеобщая задолженность и запланированное моральное устаревание оборудования – вот три столпа, на которых держится западное процветание. Если прекратятся войны, закончится бессмысленное производство ради производства и будет отменена система государственных займов, вы рухнете. Невежество, милитаризм и перенаселение – основные проблемы, и перенаселение – важнейшая из них. Нет никакой надежды, ни малейшей возможности выбраться из экономического кризиса, пока она не решена. Население растет, уровень жизни падает. А с падением уровня жизни начинается рост недовольства, революционных настроений, политического радикализма, однопартийных систем, национализма и воинственности» [38, с. 209].

Будущий правитель Палы Муруган рассказывает Уиллу о своих планах насчет улучшения жизни на острове. «Основной приоритет: модернизация страны. Посмотрите, чего добились на Ренданге за счет поступлений нефти» [38, с. 60]. Муруган, равняясь на полковника Дипу, стремится сделать свое государство богатым за счет нефти, проводить международную политику, а не только использовать нефть для внутренних нужд страны, как это делается сейчас. Иными словами, Муруган стремится разорвать идеальную замкнутость пространства Палы. Средства от продажи нефти отчасти будут использованы для преобразования мира посредством Духовного Крестового Похода, а оставшееся пойдет на интенсивную программу индустриализации, в первую очередь на развитие оборонной промышленности: «Первым предприятием, которое я построю, будет завод по производству инсектицидов. – Муруган рассмеялся и подмигнул собеседнику. – Если вы можете производить инсектициды, то без труда перепрофилируете производство на нервно-паралитический газ» [38, с. 63]. Уилл предполагает, что Муруган намерен усилить паланскую армию, на что получает ответ «Усилить? Нет. Мне придется ее создать. Пала не имеет своей армии. Они здесь все пацифисты» [38, с. 64]. Все реформы Муругана так или иначе направлены на разрушение устоявшегося строя. Уилл даже советует ему распространить каталог товаров среди населения, чтобы им всем хотелось обладать вещами с картинок – так они охотнее примут прогресс и сами будут стремиться к тому, чтобы стать обществом потребления.

Одна из мыслей, которую Хаксли хочет донести до читателя заключается в том, что общество только тогда будет счастливым, когда в нем все будут равны. Эта мысль прямо звучит из уст одного из героев. Обсуждая политику властей Палы, Уилл и Рани узнают мнение посла Баху, который говорит, что политика будущего правителя Муругана абсолютно правильна, «потому что ведет к верно рассчитанной цели: сделать каждого мужчину, каждую женщину, каждого ребенка на этом зачарованном острове настолько

свободными и счастливыми, насколько такое вообще возможно» [38, с. 75]. У Муругана как будущего правителя масштабные планы по преобразованию государства, однако некоторые не согласны с его планами. Так, друг медсестры Радхи Ранга рассказывает Уиллу о том, как недавно они вместе со студентами университета слушали идеи Муругана о преобразованиях: о нефти, об индустриализации, о телевидении, о Духовном Крестовом Походе. «Для чего нам менять нечто щедрое, доброе и бесконечно интересное на суррогат, который плох, скуден и скучен? Мы не чувствуем необходимости в ваших скоростных катерах или в телевидении. А еще меньше нужны нам ваши войны, революции, ваши возрождения и политические лозунги, весь метафизический нонсенс, который слышен отовсюду — от Рима до Москвы» [38, с. 106]. Очевидно, что все жители стремятся к достижению одной цели — всеобщего благополучия - даже несмотря на то, что по политическим убеждениям они находятся на разных полюсах и расходятся во мнении, какое средство для достижения цели предпочтительнее.

Герои говорят: «Мы не отчаиваемся, потому что знаем: все не обязательно должно обстоять так плохо, как в прошлом. <...> Но сможем ли мы убедить других последовать нашему примеру или хотя бы сохранить наш собственный оазис гуманности посреди окружающей нас обезьяньей дикости вашего образа жизни – это, увы, уже совсем другой вопрос» [38, с. 120].

Для утопий характерна статичность повествования, действие не развивается, читатель вместе с героем знакомится с утопическим государством. Так и происходит в романе «Остров», сюжет которого вписывается в канон жанра: герой попадает на остров и знакомится с тем, как устроена жизнь на этом острове, царящие здесь законы, взаимоотношения между людьми. Развитие действия не происходит, из-за чего кажется, что время остановилось, а истории и вовсе не существует. В отличие от прочих разновидностей романа в утопиях нет ярко выраженных индивидуальностей

– все герои характером, поведением, образом мышления схожи друг с другом. Именно поэтому в утопиях нет ни внутренних, ни внешних конфликтов.

В романах-утопиях очень часто можно встретить описание ритуализированных действий, со стороны кажущихся странными, но для местных жителей вполне обыденными. В романе «Остров» в качестве ритуалов выступают обряды инициации, через которые проходит каждый гражданин.

Что касается субъектно-речевой организации текста, то речь героев и слова автора стилистически однородны, поэтому речь в романах-утопиях не является средством создания образа персонажа. Без авторского указания говорящего иногда сложно понять, кто именно произносит реплику: мужчина или женщина, взрослый или ребенок.

Итак, несмотря на то что понятие жанра весьма подвижно, принято выделять ряд признаков, позволяющих нам говорить о принадлежности произведения к тому или иному жанру. Своеобразие утопии Хаксли проявляется в отступлении от канона. Так, роман «Остров» отличается ощущением скорого конца гармонии, которая лежит в основе любой утопии. По канонам жанра утопический мир продуман и выстроен до мелочей, поэтому ничто не может разрушить его. У Хаксли стремление политиков к индустриализации, очевидно, погубит Палу.

Заключение

В заключении проведенного нами исследования, посвященного изучению жанровых особенностей утопии и антиутопии на материале романов Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» и «Остров», можно сделать следующие выводы.

Рассмотрев историю жанров, мы выяснили, что утопия появилась гораздо раньше, еще в античности, в то время как антиутопия начала формироваться примерно в XVII веке. Оба жанра всегда были популярны, и в наши дни они по-прежнему актуальны, как в русской, так и в зарубежной литературе.

Утопия и антиутопия находятся в диалогических отношениях. У них есть общие черты и принципы построения, и на протяжении всего литературного процесса один из жанров становился основой для развития другого, в связи с чем принято рассматривать особенности одного жанра через особенности второго, методом «от противного». Между утопией и антиутопией, несмотря на кажущуюся их противоположность, есть очень тонкая грань. Иногда сложно определить, каков на самом деле романский мир перед нами, поскольку для определения этого необходимо ответить на ряд непростых вопросов, например, сколько свобод допустимо ограничить и каких прав лишить героев, чтобы утопия не превратилась в антиутопию.

Даже не занимающемуся профессионально изучением литературы читателю будет заметно, как в рамках творчества одного писателя происходит развитие: переход от одних идей к другим, от одних жанров к другим, смена точки зрения и т.д. Это закономерный процесс, связанный с получением нового опыта, знакомством с другими мнениями, поэтому нет ничего удивительного в том, что голос автора меняется от произведения к произведению.

Тем не менее, обычно писатели работают в рамках только одного жанра. Оригинальность Олдоса Хаксли как писателя заключается в его обращении и к жанру антиутопии (в романе «О дивный новый мир»), и к противоположному ему жанру утопии (в романе «Остров»).

Создавая эти два совершенно разных романа, Хаксли следует давно сложившейся жанровой традиции. Антиутопия «О дивный новый мир» изображает жизнь в тоталитарном государстве будущего, в котором каждый гражданин рожден и с самого рождения воспитан быть винтиком в огромной государственной машине. У людей отнято все человеческое и индивидуальное, и самое страшное в этой ситуации то, что они совершенного этого не осознают. В таком антиутопичном обществе всегда есть тот, кто противостоит системе. Такие романы пишутся, чтобы предупредить о возможной опасности, писатели прямо заявляют, что у такого будущего есть все шансы стать нашим настоящим. Однако у Хаксли этот серьезный посыл подан через фарс: картинка, которая должна напугать, вызывает улыбку и непонимание, почему такое будущее плохо, ведь каждый в этом мире живет в свое удовольствие, не зная забот.

Утопия «Остров» описывает полную идиллию: общество, в котором все равны и свободны, в котором нет войн, диктатуры и пропасти между богатыми и бедными. Люди хорошо воспитанны, добры и живут в полной гармонии друг с другом. Даже нет разногласий, поскольку все живут в соответствии с одной философией; дети так же мудры, как и взрослые. Главный герой может только восхищаться тем, что он видит, и сожалеть о том, что такого уклада в его мире никогда не будет. В утопиях изображаются миры, гармонию которых ничто не может нарушить, но и здесь Хаксли проявляет новаторство: его утопия обречена. Жителям острова, живущим в согласии друг с другом, противопоставлены правители: Королева-Мать Рани

и ее сын, будущий правитель Муруган. Они оба стремятся к индустриализации, что означает полный крах гармонии острова.

Оригинальность произведений Хаксли проявляется с следовании канону жанра, с одной стороны, и собственном новаторстве, с другой стороны. Соединение традиции и новаторства и составляет тот особенный стиль и язык, отличающий романы Олдоса Хаксли.

Список литературы

1. Аксёнова Н.В. Г. Уэллс в рецепции Е. И. Замятина / Н. В. Аксёнова, М. А. Хатямова // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 117-124.
2. Баландин Р. Все мечтали о рае / Рудольф Баландин // Природа и свет. – 2012. – № 6. – С. 50-53.
3. Баталов Э. Я. В мире утопии / Э. Я. Баталов. – М.: Политиздат, 1989. — 319 с.
4. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Сб. – М.: Худ. Лит., 1975. – С. 234-407.
5. Большая российская энциклопедия. Т. 2. Москва, 2005. – с. 58.
6. Вагнер В. Возвращается ли призрак? / В. Вагнер // Химия и жизнь – XXI век. – 2017. – № 11. – С. 34-35.
7. Воробьева О.В. Антиутопия как «мостик в будущее» в формировании гражданского воспитания в обучении истории и обществознания / О. В. Воробьева, Ю.Ю. Шаматова // Преподавание истории в школе. – 2018. – № 1. – С. 52-56.
8. Головачева А.Г. Литературная утопия и последний рассказ А. П. Чехова / Алла Георгиевна Головачева // Литература в школе. – М. – 2004. – № 11. – С. 21-25
9. Головачева И.В. Путеводитель по «Дивному новому миру» и вокруг : монография / И. В. Головачева. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2017. - 344 с. : ил. + вклейка после 256 с.
10. Гребенникова Н.С. Зарубежная литература. XX век : учебное пособие по курсу «История зарубежной литературы XX века» / Н.С. Гребенникова; . – М. : ВЛАДОС, 1999. – 128 с.

11. Гриненко Г.В. Утопии как социальные модели / Г. В. Гриненко // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 1. – С. 18-24.
12. Джеймисон Ф. Барьер времени / Ф. Джеймисон (Введено оглавление) // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2015. – № 1 (99) (январь-февраль). – С. 151-172.
13. Долженко С.Г. Диалог культур в романах Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» и Джорджа Оруэлла «1984» / С.Г. Долженко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8 (38). – Ч. I. – С. 66-69.
14. Егоров Б. Ф. Жанры русских утопий XVIII – начала XX веков / Б. Ф. Егоров // Известия РАН. Серия литературы и языка. – М. – 2004. – Т. 63, № 1. – С. 28-32.
15. Зарубежная литература XX века: Практикум / Составление и общ. редакция Н.П. Михальской и Л.В. Дудовой. – М.: Флинта: Наука, 1999. – 416 с.
16. Зверев А. Смеющийся век / А. Зверев // Вопросы литературы. – 2000. – № 4. – С. 3-37.
17. Злочевская А.В. «Оптическая» образность в антиутопии Е. Замятина «Мы» / А. В. Злочевская // Русская словесность. – 2009. – № 5. – С. 27-32.
18. Кагарлицкий Ю.И.. Что такое фантастика / Ю. Кагарлицкий. – Москва : Художественная литература, 1974. – 347 с.
19. Калинин И. Утопия, или Место, которого... есть / И. Калинин // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2010. – № 1 (69) (январь-февраль). – С. 206-211.

20. Кирсанова К. Шекспировский интертекст в романе Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» / К. Кирсанова // Вестник МГУП имени Ивана Фёдорова. – 2014. – №3. – С. 52-59.
21. Клименко Т.Н. Типы и текстообразующие функции иронических контекстов (на материале романов-антиутопий) : автореферат дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. Н. Клименко. – СПб. : [б. и.], 2008.
22. Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века : монография / Н.В. Ковтун. - 2-е изд., стер. - М. : ФЛИНТА, 2014. - 351 с.
23. Константинов Д.В. Антиутопии: будущее без человека / Д. В. Константинов. – Электронные текстовые данные // Вестник Томского государственного университета. – 2013. № 366 (январь). – С. 42-48.
24. Крусанов П. «Шинель» Замятина / Павел Крусанов // Нева. – 2009. – № 9. – С. 216-226.
25. Лошакова Т.В. Зарубежная литература XX века (1940-1990-е годы) : практикум : учебное пособие / Т. В. Лошакова, А. Г. Лошаков. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 324 с.
26. Медведева И., Шишова Т. Читайте Хаксли! / Ирина Медведева, Татьяна Шишова // Молодая гвардия. – 2013. – № 7/8. – С. 233-250.
27. Мелихов А. Атланты либерализма и атланты коллективизма / Александр Мелихов // Звезда. – 2014. – № 6. – С. 235-238.
28. Мелихов А. Вечный бой и вечный покой / Александр Мелихов // Иностранная литература. – 2018. – № 2. – С. 229-232.
29. Погребная Я.В. История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение: учеб. пособие; практикум / Я.В. Погребная. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 312 с.
30. Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко]. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.

31. Рабинович В.С. Западная литература. История духовных исканий. Пособие для учащихся. М.: – «Интерпракс», 1994, 376 с.
32. Редина О.Н. Олдос Хаксли о будущем человечества / Редина О. Н. // Литература в школе. – 2004. – № 6. – С. 43-47.
33. Рыбаков В. Мечты об улице Вязов / Вячеслав Рыбаков // Дружба народов. – 2016. – № 7. – С. 166-170.
34. Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века. Пер. с польск. / Вступ. ст. А.Р. Ледницкого. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 448 с.
35. Смирнова Ю.Д. Античная социальная утопия как парадигма социальной утопии // Учебные записки Казанского университета / Гуманитарные науки. – 2014. – Том 156, кн. 1. – С. 147-154.
36. Утопический роман XVI-XVII веков : сб. / вступ. ст. Л. Воробьева ; пер. А. Малеина [и др.]. – М. : Художественная литература, 1971. – 496 с.
37. Утопия и утопическое в славянском мире. – Научное издание. Сборник статей – Москва: издатель Степаненко, 2002. – 200 с.
38. Хаксли О. О дивный новый мир : [роман] / Олдос Хаксли; [пер. с англ. О. Сороки]. – Москва : Издательство АСТ, 2016. – 350, [2] с. – (Эксклюзивная классика).
39. Хаксли О. Остров : [роман] / Олдос Хаксли ; [пер. с англ. И. Моничева]. – Москва : Издательство АСТ, 2018. – 416 с. – (Лучшая мировая классика).
40. Чаликова В.А. Утопия и свобода : Эссе разных лет / Виктория Атомовна Чаликова ; Предисл. Е. Б. Рашковского. – Москва : Весть, 1994. – 180 с.
41. Шадурский М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 160 с.

42. Шарыпина Т.А. История зарубежной литературы XX века. В 2 ч. Часть 1 : учебник для бакалавриата и магистратуры / Т.А. Шарыпина, В.Г. Новикова, Д.В. Кобленкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018, 2018. – 297 с.
43. Шишкина С.Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке /С.Г. Шишкина; Иван. гос. хим.-технол. ун-т. - Иваново, 2009. – 230 с.
44. Шишкина С.Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета №2 / Иван. гос. хим.-технол. ун-т. – Иваново, 2007. – С. 199-208.
45. Энциклопедический словарь английской литературы XX века / отв. ред. А.П. Саруханян ; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. - М. : Наука, 2005 – 541 с.

Приложение

Разработка к уроку внеклассного чтения в 9 классе (методические рекомендации)

Цель:

- определить место романа «О дивный новый мир» в творчестве Олдоса Хаксли и его художественное своеобразие.

Задачи:

- познакомить учеников с личностью и творчеством О. Хаксли;
- познакомить учащихся с жанровыми особенностями романов-антиутопий и романов-утопий;
- формировать умения ориентироваться в пространстве текста художественного произведения;
- обогатить словарный запас учащихся;
- развивать умение оформлять свои мысли и строить связный ответ на вопрос;
- формировать вдумчивого и внимательного читателя.

Ход урока:

Форма урока — «круглый стол».

№	Название этапа	Комментарий
I	Вступительный этап	Время – 10 минут
1	Синхронизация программы по литературе и программы внеклассного чтения. Актуализация знаний учащихся о жанровых особенностях романа-	(ученики сидят за круглым столом) Ребята, недавно мы с вами в классе закончили изучение романа-антиутопии Евгения Замятина «Мы», а для внеклассного чтения выбрали роман Олдоса Хаксли «О дивный новый мир».

	антиутопии	Итак, давайте еще раз вспомним, что такое роман-антиутопия? Когда обычно происходит действие? Как изображается общество в романе? Каков главный герой? Пусть каждый по цепочке назовет какую-то одну особенность.
..2	Слово учителя о биографии Олдоса Хаксли	Сегодня мы обсудим роман Олдоса Хаксли, сперва я немного расскажу вам о писателе. Хаксли родился в 1894 году в Великобритании, окончил наиболее престижный колледж Оксфордского университета по специальности. В его семье и среди друзей было много ученых, занимавшихся естественными науками, поэтому и сам Олдос Хаксли был очень увлечен наукой, хоть и не занимался ею профессионально. У него были серьезные проблемы со зрением, из-за чего он не смог принять участие в Первой мировой войне. При этом он всегда был пацифистом. Вообще он был человеком со множеством болезней, некоторые из них были психосоматические. Это значит, что некоторые события в его жизни, а также стресс оказали сильное негативное влияние на его здоровье (его мать умерла, когда он был ребенком; он рано почти потерял

		<p>зрение; его брат покончил с собой; умерла его первая жена). Также он любил заниматься самоанализом. В 1932 году он написал роман «О дивный новый мир», в котором изобразил негативное влияние технического прогресса на общество. В 1937 г. Хаксли с семьей переехал в Калифорнию, надеясь, что местный климат ему поможет. В Америке он погрузился в изучение мистицизма и сути человеческой личности, увлекся поиском смысла бытия, что приводит его к экспериментам с различными веществами и их влиянием на человеческое сознание. Эти эксперименты и увлечение мистикой позже отразились в его последнем романе «Остров», написанном в 1962. Хаксли умер в 22 ноября 1963 года, его смерти не было уделено много внимания в СМИ, поскольку в этот же день был убит президент США Джон Кеннеди.</p>
II	Этап анализа	
1	Выявление читательских впечатлений	<p>Теперь давайте поделимся впечатлениями о романе: понравился ли он вам, что больше всего запомнилось/впечатлило/удивило и т.д.? Как вы думаете, если в нашем современном мире что-то такое, что</p>

		Хаксли предвидел еще тогда 1932-ом? А о каких современных изобретениях писатель и подумать не мог?
2	Фронтальная беседа	Знаете ли вы, из какого произведения взята строчка, которая стала названием романа? (из пьесы Уильяма Шекспира «Буря»). Как вы думаете, почему выбрана именно эта строка? Хаксли говорит всерьез или иронизирует? Объясните свой ответ. Какие еще аллюзии на произведения Шекспира мы находим в тексте? Зачем Хаксли вводит их в роман? Какую роль они играют?
3	Анализ композиции	Теперь обратимся к композиции. Как организованы время и пространство в романе?
4	Сопоставительный анализ	Давайте снова вспомним роман Евгения Замятина «Мы» и сопоставим его с романом Хаксли «О дивный новый мир». Какие общие черты у этих двух романов можно выделить? Чем можно объяснить это сходство?
5	Общее обсуждение	Теперь давайте поговорим о мире «эры Форда». Почему личность Генри Форда так важна для героев? Чем знаменит Форд?
6	Анализ системы персонажей	Как бы вы охарактеризовали систему персонажей? Кто главные герои романа? Какова роль Дикаря в романе?
7	Анализ жанрового своеобразия	Если бы вы не знали, что «О дивный новый мир» - антиутопия, вы бы сразу догадались об этом? Исследователи

		<p>часто пишут о том, что романский мир Хаксли не так ужасен, ведь герои живут в свое удовольствие, не знают болезней и старости, всегда счастливы — разве это так ужасно? Давайте вспомним, что такое утопия и каковы ее жанровые особенности. Если ли в романе Хаксли черты утопии? Как вы думаете, «О дивный новый мир» - это все же утопия или антиутопия?</p>
III	Заключительный этап	Время – 5 минут
1	Подведение итогов урока и домашнее задание	<p>Итак, сегодня мы познакомились с биографией Олдоса Хаксли; вспомнили, что такое антиутопия и утопия, выявили особенности этих жанров и обсудили интересный вопрос жанровой принадлежности романа «О дивный новый мир». Дома напишите небольшое эссе, которое будет начинаться словами «Когда я впервые увидел(а) Дикаря, я...». Эссе нужно написать от лица любого персонажа романа и постараться представить, какое мнение сложилось у того или иного героя о госте из резервации.</p>